

зрений? Это та же энергия, с которой он бросился в наслаждения земной жизни до своего обращения, как бросился потом всею силою своего духа в раскрывшееся перед ним небо! Эвмен уже рожден христианином¹⁹, не закален жизнью, верит с детства, жизнь его была счастливой с колыбели, и ему мила, и он колеблется, и — нужно хотя только легкое напоминание наивно верующей души Агнессы, чтобы, рука с рукою, устремиться ему вместе с нею на мученья и в жизнь вечную... Есть еще слепой старик, он — еще зрячий, но в духовной тьме ходивший — видел раз Христа и потом — в слепоте телесной, но в прозреньи духовном — полон этого образа и живет им. Далее Павзаний и Аркадий: покаянье и прощенье и полнота возрождения того и другого через эти покаянье и прощенье; кажется, в 16 строках, им посвященных, они ясны и открывается далекая перспектива их прошлого.

И вот все эти души, каждая со своей личной историей и физиономией, сливаются в один звук, в один аккорд, когда Марцелл возвещает им что «Зовет нас ныне бог...» и пр.²⁰.

Я увлекся, пиша Вам всю эту рацею. Хотя чувствую, что не того Вы от меня бы желали. Но пиша я еще раз как бы пережил те блаженные часы и минуты, когда творились у меня эти образы, когда я не рассуждал об них, не думал ничего, что теперь написал, а писал бессознательно, даже до того бессознательно, что мне часто казалось, что кто-то невидимый мне диктует, и я, как пишущий под диктант, вперед гадаю и догадываюсь, что дальше будет, куда, к чему этот Невидимый ведет. Но этот диктующий не являлся ко мне насильно, когда я его звал; часто я садился и писал и натруждался и думал много раз, что конец, все готово — не тут-то было: он явится, и — спадает шелуха собственного изделия, все написанное — прочь! и начинает диктовать он. Но он не баловал меня, не даром это делал. Многие годы заняла меня эта трагедия, и я не переставал всю жизнь читать все, что попадается относящееся до нее; этот «невидимый» как будто заставит меня прочесть несколько томов²¹, даст пройти несколькими годам, потом вдруг, как в 72-м, в 81-м году явится похерить старое и продиктует новое²². Мне становилось иногда даже страшно: прошлого года делала операцию руки моему сыну — в клинике, а нам, отцу и матери, не дозволено было присутствовать при операции — мы с утра, как говорится, места не находили. Я напрягал все силы, чтобы быть приличным и спокойным, но покоя этого не было, сердце ныло. Побежал в церковь — церковь пустела, дослуживался какой-то молебен — я стою, сжав руки, устремив глаза в купол, — вдруг является этот Невидимый и диктует мне стихи Камиллы о больном ребенке, тогда, когда я менее всего мог думать о стихах.

Ох, милая, с детьми воочью
Увидишь бога! Разболится,
Ты что тогда?... и пр.

Что же это? принес ли он мне это в утешение? или неужели для этих стихов нужна болезнь сына, операция и пр. Разве это не страшно?...²³

Будет, однако. А то бог знает до чего допишусь. Обидно, что не исполнил Ваших ожиданий, — на главный вопрос не ответил... В доказательство же того, что хотел ответить, пересылаю Вам эту рукопись.

Примечания

¹ Речь идет о двух сочинениях римского историка Гая Криспа Саллюстия (I в. до н. э.) — о заговоре Катилины и о Югуртинской войне, т. е. войне Рима с нумидийским царем Югуртой (II в. до н. э.).

² Византийский император Юстиниан (ок. 483—565) упомянут в связи с проведенной в его царствование кодификацией римского права (так наз. *Corpus juris civilis*, в который входил и Кодекс Юстиниана).